

Макинтайр, А. Краткая история этики¹

Перевод с английского А. Лаврик под научной редакцией А. Смирнова. Москва: Издательство Института Гайдара, 2026. — 440 с.

За 96 лет жизни Аласдер Макинтайр успел пройти серьёзную идейную эволюцию, нажить противников и сторонников на разных этапах своей жизни и творчества. При этом шотландский философ, большую часть жизни проработавший в США, был плотно вовлечён в академическую дискуссию, без излишнего высокомерия отвечал своим многочисленным критикам, а также неоднократно публично признавал свою неправоту. Макинтайр покинул нас почти год назад, а с мёртвым оппонентом бороться всегда проще. Но несмотря на наши отдельные критические замечания в рецензии, переоценить значение данной работы философа невозможно. К сожалению, в мире прибавилось собеседников, с которыми можно поговорить лишь заочно, но это повод в очередной раз обратиться к их трудам и извлечь из них то, что может быть актуально для нас сегодня.

Макинтайр способен удивлять. Не замыкаясь на континентальном или аналитическом философском стиле, даже всячески отрицая такого рода различия, он умело совмещал историческую погружённость в социальные контексты с серьёзной проработанностью теоретических аргументов. Чего ещё можно ждать от человека, столь творчески обращающегося и к марксизму, и к аристотельянству, и к христианству? Не выстраивая вневременной универсалистской системы, он, тем не менее, не впадал в крайность морального релятивизма, имея твёрдые основания под собственными убеждениями.

Прежде чем коснуться содержательных сторон книги, важно отметить значение её выхода для русскоязычного читателя. Наследие Макинтайра в России по сей день остаётся уделом отдельных энтузиастов, поддерживающих интерес широкой публики посредством публичных мероприятий. Ряд важнейших работ философа до сих пор не переведен, и свежее издание «Краткой истории этики» даёт надежду на изменение этого положения дел. Отметим, что наличие научного редактора пошло настоящему изданию на пользу. В отличие от печально известного перевода «После добродетели» [Макинтайр, 2000], который

¹ Рецензия написана по горячим следам презентации книги в Московской Высшей Школе Социальных и Экономических Наук («Шанинке»), в которой я также принял участие. Благодарю за ценные интуиции и возможность «сверить часы» в процессе обмена впечатлениями о тексте Ирину Дуденкову, Ивана Баранова, Марию Сидорову и Никиту Боркунова.

попросту тяжело читать, а ряд предложений имеет прямо противоположный смысл относительно исходных, перевод «Краткой истории этики» приятно удивит читателя. Внимательная работа Анны Лаврик под научной редакцией Артёма Смирнова заслуживает уважения за бережное отношение к первоисточнику. Однако книга даже в удобоваримом переводе может заставить своего собеседника лишний раз обратиться к словарю или перечитать абзац для прояснения всех тонкостей аргумента — это не лёгкое чтение для широкой публики.

Интересующая нас работа впервые увидела свет в 1966 году и имела серьёзное значение как для интеллектуального пути самого автора, так и для более широкой философской дискуссии. Исходя из неброского названия может показаться, что книга будет представлять собой описательное учебное пособие для введения в историю этических учений. Но Макинтайр принципиально не пишет учебник, поскольку всякий учебник лишь прикрывается своей мнимой нейтральностью для продвижения какой-то точки зрения. Позиция философа здесь исходит из того, что мы неизбежно будем опрокидывать сетки различений и предубеждения сегодняшнего дня на наше историческое исследование, а потому оно в любом случае будет ограничено и даже предвзято как минимум в силу того, каких авторов мы выбираем для построения основного историко-философского нарратива (С. 46–48). Констатируя это, в историческом анализе Макинтайр призывает нас не скатываться в два полюса (Там же). С одной стороны, мы не должны тешить себя иллюзией, что работаем с теорией полностью беспристрастно. Но мы также должны избегать прочтения всей предыдущей истории философии как предыстории к нашей собственной всеохватной системе (здесь Макинтайр позволяет себе укол в сторону Аристотеля и Гегеля). «Краткая история этики» предлагает читателю задуматься о собственной ангажированности и предоставляет нарратив, призванный создать почву для нормативных построений самого автора. В этом демонстративном отказе от нейтральности проявляется как высокая степень рефлексивности, так и марксистское прошлое «революционного аристотельянца».

Для Макинтайра аналогично крайне важен спор о соотношении должного и сущего (нормативного и дескриптивного, ценности и факта). Он постоянно возвращается к этому сюжету, показывая, к примеру, как в Античности или при феодализме люди не мыслили их в качестве отдельных миров (С. 221). В этом смысле, важный урок Макинтайра состоит в том, что теория не является просто нейтральным предметом для теоретических изысканий на кафедре — она несёт с собой некоторый практический проект, который может быть реализован. Философ, по сути, даёт обоснование для социальной науки, которая осознаёт невозможность «свободы от оценки» в веберовском

смысле². В этой связи позиция любого философа в обществе должна быть осмыслена, имея это в виду. Сам Макинтайр делал это эксплицитно, поддерживая студенческие и рабочие движения, а также делая публичные высказывания на общественно важные темы.

В чём же состоит собственная политическая ставка Макинтайра? Если кратко, то это то, что впоследствии оформится в широко распространённое в англоязычной академии течение коммунитаризма. Это интеллектуальное предприятие стало ответом на либеральную доктрину, её теоретические посылки и действительное воплощение. На концептуальном уровне коммунитаризм предоставляет критику этических конструкций, построенных вокруг представления об автономном индивиде; на практическом уровне он даёт аппарат для анализа мира, который лишился устойчивых сообществ в результате атомизации и рыночной экспансии. Коммунитаризм предполагает, что мы не можем быть свободны, жить по принципам справедливости или поступать правильно в одиночку — нам необходимо сообщество, которое и будет служить нашими общими моральными основаниями. Но в данной книге коммунитаристский проект Макинтайра только начинает приобретать свои узнаваемые черты. Как верно отмечает Александр Павлов в предисловии, это во многом переходный текст (С. 8). В результате же этого перехода мы «приобрели одного из выдающихся моральных и политических философов», но одновременно, «возможно, мы лишились одного из выдающихся марксистских теоретиков» (С. 12) — читаем с долей авторской досады. Для того, чтобы узнать, к чему привела эта эволюция, рекомендуется ознакомиться с последующими работами автора.

В «Краткой истории этики» одно из ключевых мест занимает методологический ход Макинтайра, который касается того, каким образом он работает с понятиями. Эту книгу вполне уместно читать как своеобразную историю идей в духе Кембриджской школы. Отдельно заметим, что её представители начинали писать свои программные работы примерно в то же время [Skinner, 1969]. Квентин Скиннер — наиболее влиятельный представитель этого подхода в интеллектуальной истории — хорошо знаком с работами Макинтайра и открыто ссылается на вводную главу «Краткой истории этики» в ряду тех вещей, которые оказали влияние на его подход к истории как к сфере знания, где рассматриваются не ответы на одни и те же вечные вопросы, но «последовательность эпизодов, в которой вопросы, как и ответы, нередко менялись» [Скиннер, 2018, С. 253–254].

Макинтайр работает схожим с Кембриджской школой образом. Он также помещает идеи в исторический контекст и указывает на то, что меняется не просто смысловое наполнение одних и тех же уни-

² Подробнее об этом см. в [Blakely, 2013].

версальных понятий, но и целые категориальные сетки (С. 43–45). Макинтайр приводит в пример греческое слово *δικαιοσύνη*, которое зачастую переводят как «справедливость». Эта «справедливость» отличается не просто тем, что греки считали «справедливым», от того, что считаем справедливым мы. Тезис Макинтайра радикальнее — *δικαιοσύνη* попросту нельзя дословно перевести на английский, не потеряв его исходного значения, которое укоренено в общественной ситуации (Там же). Понять *δικαιοσύνη* можно только изнутри социальной реальности, где оно было релевантным, а именно в контексте греческого полиса, который, помимо прочего, претерпевал внутренние изменения, вместе с которыми менялись и политические понятия. Равно как и идея «блага» не имеет никакого вневременного референта, к которому мы можем обратиться и подвязать все аналоги из разных языков, исторических контекстов и линий аргументации. При этом моральные понятия могут существовать и относительно долгие промежутки времени, Макинтайр не отрицает преемственность, но указывает и на их обратную сторону — разрывы (Там же). В этом месте Макинтайр и Скиннер имеют одних и тех же врагов, стремящихся к универсализации.

Укажем на ещё одну фигуру, которая важна для понимания подхода Макинтайра к истории идей. Карл Поланьи — автор, который мало всплывает у шотландского философа в ссылках, а в «Краткой истории этики» так вообще не упоминается, но оказывается весьма важным для раскрытия философских оснований истории этики³. Так, исторический нарратив Макинтайра в более поздней работе «После добродетели» (1981) о том, как мы перешли от сообществ, построенных вокруг добродетелей, к обезличенному обществу модерна, основанному на рыночных сделках, опирается на *tagnum opus* Поланьи — «Великую трансформацию»⁴. Книга венгерского мыслителя, на первый взгляд посвящённая экономической истории, на деле оказывается мощнейшей критикой процесса экономизации — превращения всё новых сфер человеческого существования в товары — и вскрывает его глубинные причины, одна из которых — оформление экономического знания [Polanyi, 2001]. Появление политической экономики, по мнению Поланьи, не было нейтральным по отношению к миру событием, не знаменовало появление науки, которая описывает мир «как он есть» — напротив, она оказала прямое влияние на претворение того самого «человека экономического» в жизнь. Именно роль

³ Отдельно заметим, что Поланьи также является значимым в контексте переосмысления наследия Аристотеля в XX веке [Поланьи 2010]; не является случайностью и то, что для него, как и для Макинтайра, оказываются столь важными Фома Аквинский и христианство в целом.

⁴ Подробнее о связи идей Макинтайра и Поланьи см. в [McMylor, 2003].

знания оказывается для Макинтайра столь важной для разграничения собственного поланианского подхода от различных марксистских и веберианских исторических нарративов — представления социальных агентов оказываются в таком случае неотъемлемой частью социальной реальности, а не просто производной от общественных отношений [MacIntyre, 1984, p. 253–254].

В этом месте подход Макинтайра в «Краткой истории этики» и в «После добродетели» идентичен. Он выражает его следующим образом:

«На самом деле, конечно, моральные понятия меняются вместе с общественной жизнью. Я намеренно не пишу „потому что меняется общественная жизнь“, так как это могло бы означать, что общественная жизнь — это одно, а мораль — другое, и между ними существует лишь внешняя и контингентная каузальная связь. Это очевидно ложно. Моральные понятия воплощены в формах общественной жизни и частично их образуют». (С. 43–44).

Подход философа можно выразить следующим образом: он реконструирует социальные изменения — например трансформацию и кризис полиса или эмансипацию индивида от социальных структур в Новое время — и показывает параллельный ход развития понятийного аппарата. В таком нарративе нет места для механического влияния принципиально разных элементов друг на друга, как в схеме «базиса и надстройки». В известном смысле изменение моральных понятий и есть изменение социального порядка.

Тем не менее, «Краткой истории этики» явно недостает концептуального аппарата для анализа описанных выше социальных и моральных трансформаций. Если теоретики Кембриджской школы использовали наработки Витгенштейна и Остина для своих построений, а продолжатели дела Поланьи приспособили акторно-сетевую теорию и теорию речевых актов для анализа перформативного конституирования рынков [Callon, 1998], то Макинтайр подобной концептуализации просто лишен. В отсутствии должной исследовательской программы мы остаёмся один на один с рассуждениями, некоторые из которых выводятся из здравого смысла или попросту без всякого соотнесения идей с социальной действительностью. Самое близкое к методологически обоснованной работе было представлено в объёмных главах, касающихся Античности, и демонстрирующие социальные и понятийные трансформации во время перехода от гомеровского полиса к полису образца V века. К этому также близко подходит описание мысли раннего Нового времени, где на материале была выдвинута гипотеза о том, что сама возможность жесткого разграничения должного и сущего, которую проделал Макиавелли, могла быть представима только в результате эмансипации индивида. Если мы подобно грекам мыслим человека внутри сообщества, то

его роль неизбежно будет нормативно окрашена, и только когда сообщество коллапсирует, у нас появляется индивид, который способен самостоятельно выбирать из разных нормативных образцов (С. 221–227). Но в то же самое время в книге представлено очень краткое повествование о Спинозе, которое вообще лишено социологического и исторического осмысления (С. 244–252), что принципиально важно для фигуры, которую нельзя рассматривать отдельно от контекста Голландской республики и политики братьев де Виттов.

Макинтайр во многом стал заложником собственных амбиций, в чём признаётся в одном из предисловий, поскольку попытка столь краткого изложения неизбежно связана с рисками чрезмерного упрощения (С. 25). В том числе этим, вероятно, можно объяснить столь скудное историческое наполнение и недостаточную социологическую работу в ряде мест. Ритуально посыпая голову пеплом, он соглашается с замечаниями критиков и подробно описывает собственные упущения. Заметим, что на момент издания книги Макинтайру было всего 37 лет, но он уже тогда был суперзвездой академического мира и был готов взять на себя столь серьёзную ответственность. Философ отмечает, что, вероятно, когда-нибудь созреет для того, чтобы взяться за книгу, условно им обозначенную как «Очень длинная история этики» (Там же). Эта «Уже-не-краткая история этики» так и не была написана.

Серьёзный политико-философский текст всегда оказывается написан против чего-то или кого-то, будь то неприглядные жизненные обстоятельства или автор, защищающий противные вам идеалы. Макинтайр и начинает, и завершает свою книгу в борьбе с теми, кто мыслит идеи вне времени и социального контекста (его главные мишени здесь — аналитические и экзистенциалистские философы), последовательно отстаивая, в свою очередь, что моральные понятия историчны, а нам необходимо «освободиться от всяких ложных абсолютистских притязаний» (С. 437). Это понятная цель в ситуации отсутствия академического и политического консенсуса — немало людей узнаёт обстоятельства, когда на факультете политической теории сосуществуют несколько моральных философов со своим особым представлением о благе и справедливости, каждое из которых претендует на абсолютную рациональность, при этом имея мало общего со столь же разнообразными представлениями о прекрасном у обывателей. Но как людям жить вместе со столь пёстрым набором моральных словарей? Как нам находить общий язык, если метапозиция поставлена под сомнение? Как не скатиться в полный релятивизм (и надо ли избегать этого «скатывания»)? Это вопросы уже для других книг, и по большей части Макинтайр дал свои ответы на них в более поздних работах.

«Краткая история этики» рекомендуется нами всем, кто хочет получить ещё один историко-философский нарратив, с которым

можно подискутировать, а также зарядиться пафосом методологической программы. С неё, пожалуй, будет уместнее всего начать знакомство с творчеством философа.

В. Г. Мамченко

Литература

1. *Макинтайр, А.* После добродетели: Исследования теории морали / Пер. с англ. В. В. Целищева. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000.
2. *Полань, К.* Аристотель открывает экономику // Избранные работы. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010. С. 117–152.
3. *Скиннер, К.* Ответ моим критикам / Пер. с англ. Т. Пирусской // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / под ред. Т. Атнашева, М. Велижева. М.: Новое лит. обозрение, 2018. С. 249–346.
4. *Blakely, J.* The Forgotten Alasdair MacIntyre: Beyond Value Neutrality in the Social Sciences // *Polity*. 2013. Vol. 45. No 3. P. 445–463.
5. *Callon, M.* Introduction // *Laws of the Markets* / Ed. by Callon M. London: Blackwell Publishers; *Sociological Review*, 1998. P. 1–57.
6. *MacIntyre, A.* After virtue and Marxism: A response to Wartofsky // *Inquiry* 1984. Vol. 27. No. 1–4, 1984. P. 251–254.
7. *McMylor, P.* Moral Philosophy and Economic Sociology: What MacIntyre Learnt from Polanyi // *International Review of Sociology*. 2003. Vol. 13, No. 2. P. 393–407.
8. *Polanyi, K.* The great transformation. The political and economic origins of our time. Boston: Beacon Press, 2001.
9. *Skinner, Q.* Meaning and Understanding in the History of Ideas // *History and Theory*. 1969. Vol. 8. No 1. P. 3–53.

Для цитирования: Мамченко, В. Г. [Рец.] Макинтайр, А. Краткая история этики / перевод с английского А. Лаврик под научной редакцией А. Смирнова. Москва: Издательство Института Гайдара, 2026 // Пути России. 2026. Т. 4. № 1. С. 156–162.